

Г. П. Выжлецов

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА

Научная рациональность с XVII по XXI в. прошла последовательно: классический, неклассический и постнеклассический этапы своего развития. На каждом из этих этапов она по-разному взаимодействовала с нормами и ценностями своей эпохи. Классическая научная рациональность XVII–XIX вв. даже в самом строгом ее математическом варианте включала в себя «красоту» как универсальную эстетическую ценность. Взаимодействие неклассической и постнеклассической рациональности с внутри- и внеучными ценностями в период 1970-х — 2010-х годов вышло на новый уровень: сама наука рассматривается как «ценностная система», а основой философии науки должна стать аксиология. Однако сама аксиология оказалась сегодня в ситуации теоретического плюрализма и ценностного релятивизма. Поэтому лишь рациональность в целом, как действенная активность разума, и ценность, как истина духа, взаимодействуя в единой философской рациональности, могут стать методологической основой развития философии науки и аксиологии в XXI в. Библиогр. 16 назв.

Ключевые слова: наука, рациональность, ценность, аксиология, философия, разум, релятивизм.

G. P. Vyzhletsov

SCIENTIFIC RATIONALITY IN THE ERA OF AXIOLOGICAL RELATIVISM

Scientific rationality from the 17 to 19 century has passed a sequence of classical, nonclassical and postnonclassical stages of its development (V.S. Stepin). At each of these stages it variously interacted with the norms and values of the era. Classical scientific rationality of the 17–19 centuries, even in the strict mathematical version, included “beauty” as a universal aesthetic value. Interaction of nonclassical and postnonclassical rationality with intra- and extra values during the 1970–2010s has reached a new level: science itself is seen as a “value system” (A. Maslow), and axiology should be the basis of the philosophy of science (A. P. Ogurtsov). However, axiology itself find itself today in a situation of theoretical pluralism and value relativism. Therefore, only rationality in General, as an effective activity of the mind, and the value of truth of the spirit, interacting in a single philosophical rationality, can constitute a methodological basis for the development of the philosophy of science and axiology in the twenty-first century. Refs. 16.

Keywords: science, rationality, value, axiology, philosophy, reason, relativism.

Рациональность как фундаментальная характеристика человеческой деятельности есть культурная ценность.

В. Н. Порус

Важнейшая задача аксиологии состоит в установлении абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма.

Н. О. Лосский

Рациональность есть атрибутивное свойство человеческого сознания в единстве познавательной и оценочной функций, о чем свидетельствует, в частности,

Выжлецов Геннадий Павлович — доктор философских наук, профессор, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9; vygletcov@mail.ru

Vyzhletsov G. P. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vygletcov@mail.ru

функциональная асимметрия коры головного мозга, обеспечивающая на психофизиологическом уровне их взаимодействие. От психики животных сознание отличаются три основные характеристики: *абстрагирование, целеполагание и саморегуляция* или внутренний самоконтроль поведения и деятельности. Если первая из них реализуется преимущественно в логическом познании, то вторая и третья — в ценностных формах сознания. Однако современные исследования показывают, что «эмоционально-ценностный фактор составляет важнейшее условие возможности осуществления мыслительной деятельности» вообще и при этом само мышление предстает как «процесс переоценки ценностей» [1, с. 161–166]. Это говорит о том, что все три свойства органически взаимосвязаны между собой и такая единая, целостная рациональность, реализуемая в мышлении и языке, была изначально в сознательной деятельности людей, в их познании и действиях, в теории и практике, жизни и культуре.

Проблема рациональности возникла в XVII в. с появлением науки как новой специализированной формы рационально-познавательной деятельности, а к концу XVII в. складывается идеал и культ *классической* науки на основе механики Галилея—Ньютона (*И. Ньютон*. Математические начала натуральной философии. 1687). Разработка соответствующей методологии *научного познания* потребовала от гносеологизированной философии очищения ее «рациональности» от оценочных и ценностных понятий и суждений, также рациональных по форме, но по содержанию неподвластных ни эмпирическому, ни дедуктивно-логическим критериям верификации и объявленных поэтому предрассудками, отнесенными к смутным формам познания (Т. Гоббс, Б. Спиноза). Эта *классическая научная рациональность* служила эталоном рациональности как таковой вплоть до рубежа XIX–XX вв., а ее критериями выступали: осознанность, систематичность, строгая упорядоченность, понятийная форма, общезначимость, объективность, закономерность, обоснованность и целесообразность [2, с. 11], т. е. не что иное, как основные признаки *научной* рациональности, которые переносятся на рациональность вообще. Возникает «логический круг», в котором научность определяют через рациональность, а саму «рациональность пытаются определить по признакам научности» [3, с. 132].

Для выхода из подобного тупика В. С. Степин, например, вводит понятия *классического, неклассического и постнеклассического* типов *научной* рациональности, существенно расширив ее содержание. Если классический тип научной рациональности, концентрируя свое внимание на изучаемом объекте, исключает все, что относится к субъекту и средствам его активности, то неклассический тип уже учитывает их связи, но лишь во внутринаучной собственно познавательной деятельности. Постнеклассическая же научная рациональность не только учитывает связь знаний об объекте со средствами их получения, но и соотносит сами внутринаучные цели «с вненаучными, социальными ценностями и целями» [4, с. 633–634].

Одним из вариантов сохранения науки в качестве образца рациональности были, например, попытки создания универсального языка науки типа метаматематики Б. Расселом и А. Уайтхедом (1903, 1910–1913 гг.). Естественно, что философии, использующей оценочные и ценностные суждения, в научном статусе было отказано. Но тогда же, в 1902 г., французский философ П. Лапи в работе «Логика воли» вводит термин *аксиология* для обозначения философской теории ценностей, а в 1910–1911 гг. Г. Риккерт объявляет саму философию *наукой о ценностях*, кото-

рые, по его мнению, определяют ее предмет и метод. Вместе с тем в 1931 г. К. Гёдель в своих теоремах доказал невозможность полной формализации научного знания, ибо всегда остается некий неформализуемый остаток, а Г. Фреге отказался от полной логической формализации математического знания из-за открытия «теоретико-множественных парадоксов» [5, с. 175–176].

Проблема в том, что начиная с Нового времени критерием научности считается степень математизации той или иной научной дисциплины, породившая иллюзию получения раз и навсегда обоснованного знания. Однако наряду с внутренне присущими математике когнитивными критериями когерентности, выводимости, доказуемости, именно в математике как признанной «царице наук» (К. Гаусс) вполне адекватно реализуется, например, универсальная эстетическая ценность *прекрасное*: «Красота есть первый пробный камень для математической идеи» (Г. Харди). Ф. Хатчесон еще в 1725 г. в работе «О красоте теорем» обосновал положение о том, что «эстетические принципы науки наиболее ярко проявляются в математике» [6, с. 31, 45]. Иными словами, ученые и мыслители с Нового времени до наших дней «показали, что нет “чистого” внеценностного знания» и даже «математическое знание... содержит внутри себя ценностное измерение, которое, видимо, просто невозможно отделить от истинностного» [7, с. 37].

Подобные утверждения являются результатом осмысления многовекового развития науки и свидетельствуют о том, что не только пост- и неклассический типы научной рациональности обладают ценностными характеристиками, но и классический ее тип, причем в самом строгом математическом его варианте. Взаимодействие же неклассической и особенно постнеклассической рациональности с внутри- и вненаучными ценностями в период 1970-х — 2010-х гг. вышло на новый уровень вплоть до того, что и наука стала рассматриваться как своего рода «ценностная система» (А. Маслоу), а сама рациональность — как «социокультурная ценность» (В. Н. Порус). Более того, по мнению А. П. Огурцова, основателя лаборатории «Аксиология познания и этика науки» ИФ РАН РФ, современная *философия науки* вообще должна быть построена на «аксиологическом фундаменте» [8, с. 36].

Однако здесь неизбежно возникают как минимум два вопроса. Во-первых, какая наука, и соответственно рациональность, имеется при этом в виду? И во-вторых, что собой представляет этот «аксиологический фундамент»? В *естествознании*, например, как общепризнанном эталоне научности, объективные причинно-следственные связи природных явлений и их свойств *отражаются непосредственно*, несмотря на наличие соответствующего ценностного фактора, как минимум когнитивного [9, с. 102–103].

Социогуманитарное же знание представляет собой единство *научно-дисциплинарных* и *вненаучно-мировоззренческих* знаний и представлений, заимствованных из форм общественного сознания, и потому оно изначально имеет *духовно-ценностное содержание*. Таким образом, рациональность во всех рассмотренных вариантах связана с ценностями, и все ее ключевые проблемы изначально, тем более сегодня, являются *аксиологическими*. Вся проблема в том, что представляет собой эта аксиологичность на рубеже XX–XXI вв. и может ли она послужить основой и опорой для *научной рациональности* и соответственно философии науки?

Н. О. Лосский, подводя итоги *классического периода аксиологии* (1890-е — 1930-е гг.) в книге «Ценность и бытие» (Париж, 1931), назвал важнейшей ее задачей

«преодоление аксиологического релятивизма», с которым аксиология столкнулась уже в своем *неклассическом периоде* 1930-х — 1960-х гг. Ибо именно «вездесущее ценностного момента», по мнению *Лосского*, как раз и порождает множество разнородных аксиологических концепций, принимающих за ценность лишь отдельные ее элементы и проявления и не видящих проблему в целом [10, с. 7–8]. Это приводит к тому, что уже к концу своего классического периода аксиология, несмотря на успехи в конкретных областях своего применения, столкнулась как философская дисциплина с теоретико-методологическим плюрализмом, с которым она и пришла в свой неклассический, а затем и в *постнеклассический* период 1970-х — 2010-х гг.

Источником этого плюрализма и стал *аксиологический релятивизм*, об опасности проявлений которого предупреждал *Лосский*. Но если в период классической аксиологии ему успешно противостояли *объективно-абсолютистские* концепции от неокантианства и русской религиозной философии до феноменологической аксиологии, например, *М. Шелера* и *Н. Гартмана*, то в современной теории ценностей, тем более отечественной, таких концепций просто нет. Более того, все вышеназванные концепции подвергаются сегодня критике именно с субъективно-релятивистских позиций. По мнению и отечественных, и зарубежных «субъективистов», никаких объективных, а тем более абсолютных ценностей нет и быть не может, поскольку каждая ценность есть не что иное, как внутреннее, сугубо интимное индивидуальное переживание, никак не коррелирующее с переживаниями других людей [11, с. 75–78]. Поэтому ценности у каждого человека свои, и их столько же, сколько и людей. Отсюда неизбежная субъективность самой нравственности, на основе которой и рождалось «больше всего насилия», поскольку «конфликт нравственных позиций» разрешить невозможно в принципе [12, с. 93, 120–121]. И, по мнению современного французского философа *А. Комт-Спонвилля*, «все наши ценности» — это всего лишь иллюзии и наши представления, например, о благе, красоте и справедливости [13, с. 10–11].

Таким образом, если с позиции релятивистского субъективизма ценности имеют основание в психофизиологии индивида, то попытки противопоставить ей некую «социальную аксиологию» также не выходят за пределы *субъективной реальности*, связанной с сознанием и деятельностью человека. Разрывая изначальную полярность ценностных противоположностей (добро — зло, прекрасное — безобразное), ее представители объявляют ценностью лишь *положительную значимость* явлений для человека [14, с. 35, 63]. Поэтому, с их точки зрения, природа ценностей по сути своей «антропна», и их «критерием» является лишь сам человек [15, с. 121].

Аксиологический релятивизм как источник подобных концепций имеет, во-первых, глубинные корни в самой реальности постмодернистского социокультурного кризиса, размывающего ценностные противоположности, предопределяя их взаимопереход, когда, например, зло выступает в облики добра, безобразное скрывается под маской красоты и обратно. Следствием этого, во-вторых, становится подмена вековых *нравственных принципов* и традиций, выработанных каждым народом в его истории, сиюминутными правилами и нормами корпоративно-ситуативной морали. Так, например, закрытая корпоративная мораль чиновно-бюрократических структур порой оказывается бессильной перед жесткой моралью преступного мира. Этот реальный *ценностный релятивизм*, в-третьих, отражается

на понятийно-категориальном уровне, противостоять которому в современных социогуманитарных условиях и может *научная рациональность* с реальной объективностью ее когнитивных ценностей, прежде всего в установлении объективных основ и критериев самой природы ценностей.

В современной науке основные концепции происхождения жизни на Земле, включая человеческую, связаны так или иначе с космическим фактором, с идеей вечности жизни во Вселенной: «Наряду с гипотезой о начале жизни в геологические или космические эпохи существования нашей планеты, — писал В. И. Вернадский, — может быть выдвинута гипотеза о ее вечном существовании в Космосе» [16, с. 319]. Отсюда в человеке соединены три высшие, можно сказать, сокровенные тайны Бытия: Жизнь — Сознание (сверхжизнь) — Дух (сверхсознание). Высшим проявлением этого *духовно-энергетического потенциала* бесконечной вселенской жизни, кратко называемого *дух*, является, по крайней мере на Земле, человеческий *разум*. Философия изначально зафиксировала этот потенциал в понятиях древнегреческого космического ума (нус), мировой воли Шопенгауэра, практического разума Канта, абсолютного духа Гегеля и, конечно, Бога. В человеческом бытии он и реализуется в виде общечеловеческих и духовных ценностей, определяя тем самым суть и смысл этого бытия. Поэтому не само сознание, как мы привыкли думать, а именно ценности определяют в конечном счете собственно человеческий смысл жизни, становясь ядром и внутренней основой жизни и культуры человека и общества. В смысловое поле любой ценности входят, как минимум, *значимое, должное и желаемое*, проявляющиеся как *норма, цель и идеал*, которые и взаимодействуют с научной рациональностью на разных этапах и уровнях ее развития. Рациональность в целом, как действенная активность *разума*, и ценность как *истина духа*, взаимодействуя в единой *философской рациональности*, видимо, только и способны стать методологической основой последующего развития и философии науки, и самой аксиологии в XXI в.

Литература

1. Шилков Ю. М. Эмоционально-ценностный фактор в мыслительной деятельности // Наука и ценности. Ученые записки кафедр общественных наук г. Ленинграда. Вып. XXVI / под ред. М. С. Кагана и Б. С. Маркова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 155–170.
2. Мудрагей Н. С. Рациональное и иррациональное. Историко-теоретический очерк. М.: Наука, 1985. 175 с.
3. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М.: УРАО, 2002. 352 с.
4. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 690 с.
5. Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост. и коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 11–28.
6. Волошинов А. В. Математика и искусство. М.: Просвещение, 1992. 335 с.
7. Визгин В. П. Истина и ценность // Ценностные аспекты развития науки / В. П. Визгин, М. Б. Туровский и др. М.: Наука, 1990. С. 36–52.
8. Огурцов А. П. Аксиологические модели в философии науки // Аксиология и теория познания: Философские исследования. 1995. № 1. С. 7–36.
9. Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М.: Логос, 2008. 360 с.
10. Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основы ценностей. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 864 с.
11. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

12. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
13. Комт-Спонвиль А. Ценность и истина: Циничные очерки / пер. с фр. Е. С. Ганс, И. А. Мнушкиной. Самара: Самарский ун-т, 2002. 254 с.
14. Бронский М. В. Философский анализ научного статуса аксиологии. Н. Новгород: МИЭМП, 2001. 140 с.
15. Макейчик А. А. Аксиология. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 130 с.
16. Вернадский В. И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.

References

1. Shil'kov Ju. M. JEmocional'no-cennostnyj faktor v myslitel'noj dejatel'nosti [Emotionally valuable factor of mental activity]. *Nauka i cennosti. Uchenye zapiski kafedr obshhestvennyh nauk g. Leningrada. Vyp. XXVI* [Science and Values: Scientific notes of the departments of Social Sciences in Leningrad., XXVI]. Eds M. S. Kagana, B. S. Markova. Leningrad, LGU Publ., 1990, pp. 155–170. (In Russian)
2. Mudragej N. S. *Racional'noe i irracional'noe. Istoriko-teoreticheskij ocherk* [Rational and Irrational. Historical-theoretical essay]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 175 p. (In Russian)
3. Porus V. N. *Racional'nost'*. *Nauka. Kul'tura* [Rationality. Science. Culture]. Moscow, URAO Publ., 2002. 352 p. (In Russian)
4. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 1999. 390 p. (In Russian)
5. Rassel B. Moe filosofskoe razvitie [My philosophical development]. *Analiticheskaja filosofija: Izbrannye teksty* [Analytic philosophy Selected papers]. Sost. i komment. A. F. Grjaznova. Moscow, MGU Publ., 1993. 181 p. (In Russian)
6. Voloshinov A. V. *Matematika i iskusstvo* [Mathematics and art]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1992. 335 p. (In Russian)
7. Vizgin V. P. Istina i cennost' [Truth and value]. *Cennostnye aspekty razvitiya nauki* [Valuable aspects of development of Science]. Eds V. P. Vizgin, M. B. Turovskij i dr. Moscow, Nauka Publ., 1990. 296 p. (In Russian)
8. Ogurcov A. P. Axiologicheskie modeli v filosofii nauki [Axiological models in philosophy of science]. *Aksiologija i teorija poznaniya: Filosofskie issledovanija* [Axiology and theory of knowledge: Philosophical investigations], 1995. no. 1, pp. 7–36. (In Russian)
9. Ljejsi H. *Svobodna li nauka ot cennostej? Cennosti i nauchnoe ponimanie* [Is science free from values? Values and scientific understanding]. Moscow, Logos Publ., 2008. 360 p. (In Russian)
10. Losskij N. O. *Cennost' i Bytie: Bog i Carstvo Bozhie kak osnovy cennostej* [Value and Being: God and God's Kingdom as the basis of values]. Har'kov, Folio Publ.; Moscow, OOO «Firma «Izdatel'stvo AST» Publ., 2000. 864 p. (In Russian)
11. Shohin V. K. *Filosofija cennostej i rannaja aksiologicheskaja mysl': Monografija* [Philosophy of Sciences and early axiological thought]. Moscow, RUDN Publ., 2006. 457 p. (In Russian)
12. Dokuchaev I. I. *Cennost' i jekzistencija. Osnovopolozhenija istoricheskoy aksiologii kul'tury* [Value and existention. The foundings of historical axiology of culture]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 595 p. (In Russian)
13. Komt-Sponvil' A. *Cennost' i istina: Cinichnye ocherki* [Value and truth: cynical notes]. Transl. from French. by E. S. Gans, I. A. Mnushkina. Samara, Samarskij un-t Publ., 2002. 254 p. (In Russian)
14. Bronskij M. V. *Filosofskij analiz nauchnogo statusa aksiologii: Monografija* [Philosophical analysis of scientific status of axiology]. N. Novgorod, MIJEMP Publ., 2001. 140 p. (In Russian)
15. Makejchik A. A. *Aksiologija* [Axiology]. St. Petersburg, RGPU im. A. I. Gercena Publ., 2004. 130 p. (In Russian)
16. Vernadskij V. I. *Zhivoe veshhestvo* [Alive matter]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 358 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 июня 2015 г.